

Епископ Иоанн Тайна Иова

По изданию: Буэнос-Айрес, 1950 (перепечатка с 1-го парижского издания 1933 г.). Автор указан не полностью — просто «епископ Иоанн». Предположительно, автором является архиеп. Иоанн (Шаховской)

О страдании

Тайна Иова есть тайна страдания. Нет ни одной книги на земле, которая подошла бы к этой тайне так просто, так глубоко и так всеобъемлюще, как книга Иова. Ни Шопенгауэр, ни Гартман, ни какая другая философия печали и скорби человеческой, ни произведения художественной мировой литературы не дают столь ясной глубины познания страданий, как книга Иова. Рядом с познанием страданий стоит в этой книге познание человеческого усыновления Богу, — вне этого второго нельзя проникнуть в первое. Вот отчего в мире так много людей не понимающих страдания, неистинно переживающих человеческую скорбь. Но ничто так не нуждается в раскрытии, освещении и познании, как тайна человеческих страданий, среди которых мы живем.

Философия Будды считает страданием человеческую жизнь и хочет уйти от страдания, уходя из смысла жизни. Некоторых прельщает эта мудрость. Нам она кажется земной, «человеческой», извращающей путь истинного приятия жизни. Нельзя считать нашу жизнь миражем в том смысле, в каком ее хотел считать Будда. Жизнь есть реальность; правда, не та, которую замечает в этом мире большинство людей, но жизнь есть великая реальность, — не мираж, не Майя.

Иов жил, как можно предполагать, за 2000 лет до Рождества Христова. Принадлежал он к одному из языческих племен, и то, что Библия включила его книгу в свой канон, показывает, что откровение Библейское есть откровение всечеловеческое. Иов, как и царь Мелхиседек, который благословил отца верующих, Авраама, появляется среди иудеев наравне с ними, так же, как и сын Божий.

Точно нам не дано знать, является ли книга Иова книгой, черпающей свое содержание из истории, или же это есть поэма на почве истории. Церковь считает книгу Иова книгой «учительной»¹, то есть оставляет в стороне ее историческое значение.

«Был человек в земле Уц, имя его Иов; и был человек этот непорочен, справедлив и богобоязнен, и удалялся от зла»... и далее книга рассказывает о внешнем благосостоянии Иова. Оно было по тогдашним временам очень велико; Иов был владетельным человеком. Была у него и большая семья, имел он много дочерей и сыновей, что тогда считалось особым благословением Божиим, и был он, в довершение всего, человеком праведной, святой жизни. Вставал он утром рано, возносил всеожожение по числу своих детей. В то время, когда шел круг пиршественных дней, и сыновья его и дочери отдыхали и пировали, Иов приносил жертву всеожожения, говоря: «Может быть, кто-нибудь из моих детей согрешил пред Богом»... Здесь вырисовывается образ Иова, ветхозаветного праведника, ходатая — посредника между Богом и своими сыновьями. Запомним это.

В каком-то для нас совершенно недомыслимом плане зло имеет беседу с Богом: «Разве даром богобоязнен Иов?» Зло подходит с обычной для него клеветой и выявляет такую мысль:

«Иов богобоязнен и верен не даром, он — корыстолюбец. Правда, может быть, не такой, как другие люди, которые хотят от Бога только материальных благ; он, может быть и в более тонком смысле корыстолюбец, он богобоязнен не даром, а потому, что Ты, Господи, даешь ему блага земные и выделяешь его из среды других людей. Вот он и боится потерять эти блага и прибегает к Тебе».

«Не Ты ли кругом оградил его, дом его и всё, что у него? Дело рук его Ты благословил, и стада его распространяются по земле. Но прости руку Твою и коснись всего, что у него, — благословит ли он Тебя? И сказал Господь сатане: вот, всё, что у него, в руке твоей; только на него не простирай руки твоей. И отошел сатана от лица Господня. И был день, когда сыновья его и дочери его ели и пили в оме первородного брата своего». И вот приходят к Иову посланники и говорит первый, что напали Савеяне на его стада. «И взяли их а отроков поразили острием меча; и спасся только я один, чтобы возвестить тебе. Еще он говорил, как приходит другой и сказывает: огонь Божий упал с неба и опалил овец и отроков, и пожрал их; и спасся я один, чтобы возвестить тебе». Со всех концов получает Иов известия о смерти своих близких. Рушится благословение Божие, — исчезает потомство, сгорает богатство.

«Тогда Иов встал и разодрал верхнюю одежду свою» — знак великой скорби — «остриг голову свою и пал на землю и поклонился. И сказал: наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!» Во всем этом не согрешил Иов, — говорит книга, — и не произнес ничего неразумного о Боге».

«Господь дал, Господь и взял» — эти великие слова вот уже четыре тысячи лет с благоговением повторяет человечество в самые высокие минуты жизни, в минуты подлинного усыновления человека Богу — в минуты познания тайны страдания.

Но зло, побежденное, не отходит: оно опять изыскивает повод, чтобы оклеветать праведника, даже перед всеведением Божиим. Оно говорит теперь так: все это, что исчезло теперь у Иова, есть лишь ценность внешняя; но вот коснись самого его, благословит ли он тогда Тебя?

«И сказал Господь сатане: вот он в руке твоей, только душу его сбереги», — то есть вот он, делай с ним, что хочешь, только сохрани его жизнь. Ничего внешнего не бывает без попущения Божьего, волос не падает с головы. Попускаемый огонь зла должен выявить, выплавить подлинное золото добра.

И вот Иов в проказе. Страшная, лютая болезнь постигла его. Болезнь эта в то время уже лишала людей права жить в городе, селениях, общаться с людьми. Прокаженные не могли подходить к человеку.

«Взял он (Иов) себе черепицу, чтобы скоблить себя ею, и сел в пепел». Скоблил, чтобы как-либо успокоить хотя бы временно нестерпимый зуд умирающего, заживо разлагающегося тела. И здесь приступает к Иову одно из самых страшных искушений, которое бывает более остро, чем искушение самого сатаны. Это — искушение от близкого человека. Жена подходит к Иову и говорит ему: «Ты все еще тверд в непорочности твоей! Похули Бога и умри!» Действительно, ужасное это искушение, но Иов говорит жене: «Ты говоришь, как одна из безумных; неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать? Во всем этом Иов не согрешил устами своими». Здесь мы воочию видим удивительное состояние ветхозаветного праведника, состояние, которое, скажем прямо, редко кому в полноте доступно, даже из современных христиан. И хотя каждый верующий человек догадывается об этом состоянии и считает его высшим, но к себе не прилагает и не стремится приложить. Это

состояние есть по существу своему состояние богоусыновления, когда все, что совершается в мире, все что совершает или попускает Промысел Божий, делается для человека «своим», «родным». И если кто-нибудь из людей может восстать на Бога из-за несчастья в мире, этим он духовно отделяет себя, отсекает от великой заботы Божией, выплавляющей вечное из временного и, значит, не признает Божий мир своим миром. Человек призван участвовать в жизни этого мира, как сотрудник Божий. Суд же и управление миром принадлежит Тому, Кто в миллионы и миллионы раз мудрее, справедливее и могущественнее человека. И — знает, что надо. Вот эту тайну усыновления, доверчивого приятия горечи больного, еще не преображенного мира, тайну, которая целиком раскрывается в Новом Завете, — удивительно открывает уже книга Иова.

К искушению от жены, Иова постигает новое испытание: к нему приходят его друзья — Елифаз Феманитянин, Вилдад Савхейнин и Софарь Наамитянин, сошедшиеся, «чтобы идти вместе сетовать с ним и утешать его».

И когда увидели друзья то состояние, в котором был Иов, «они не узнали его; и возвысили голос свой; и зарыдали; и разодрали верхнюю одежду свою и бросали пыль над головами своими к небу»... И молчали некоторое время, «ибо видели, что страдание его весьма велико».

Заметив их, и как они воспринимают его ужасное состояние, Иов прежде всего излился в унынии, показал другую «левую» сторону своей человеческой души (сторону такую естественную в нас, людях). Изнемогая от своих нечеловеческих страданий, Иов начал сетовать на самый день своего рождения: «Погибни день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: зачался человек. День тот да будет тьмой; да не възыщет его Бог свыше, и да не воссияет над ним свет»... и излился вопросом: на что дан свет человеку, которого путь закрыт и которого Бог окружил мраком?..» Сколь многие и сейчас в мире говорят так: на что дан свет, если закрыты пути мои, если я в нищете, унижении, болезни, — в чем же смысл моего пребывания здесь на земле, в этой юдоли плача и скорби?

Друзья начали утешать Иова. Эти друзья имели добрые намерения, были людьми «верующими», имеющими благоговение перед Богом. Но они не имели того драгоценного пусть еще полубессознательного чувства — усыновления Богу, которое уже имел Иов. Друзья Иова были людьми порядка «законнического», психологии ветхозаветной, для которой Бог есть не только Некий Великий, но и Непостижимый, имя Которого можно со страхом произносить, но к Которому нельзя всегда обращаться, — Которого можно назвать Судьей, но Которого нельзя назвать Отцом. И начали друзья говорить Иову, что если он страдает, значит он виноват, что нет у Бога несправедливости, раз ты страдаешь, значит ты грешен. «Вспомни же, говорят они ему, погибал ли кто невинный и где праведные были искореняемы?.. Оравшие нечестие и сеявшие зло, пожинают его; от дуновения Божьего погибают и от духа гнева Его исчезают». Друзья стоят на почве чистейшего правосудия, можно было бы даже сказать, на почве известной кармы, т.е. непреложности определенных следствий, вытекающих из причин. Друзья приглашают Иова успокоиться, признав себя грешным, и перестать взывать к Богу, которого нельзя тревожить этими маленькими человеческими воплями: «Взывай, если есть отвечающий тебе. И к кому из святых обратишься ты? Так, глупца убивает гневливость и несмысленного губит раздражительность. Видел я, как глупец укореняется; и тотчас проклял дом его. Дети его далеки от счастья, их будут бить у ворот и не будет заступника. Жатву его съест голодный, и из-за терна возьмет ее, и жаждущие поглотят имущество его. Так, не из праха выходит горе и не из земли вырастает беда; но человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремляться вверх. Иов отвечает им: «О, если бы верно взвешены были вопли мои, и вместе с ними положили на весы страдание мое! Оно верно перетянуло бы песок морей! Оттого слова мои неистовы. Ибо стрелы

Вседержителя во мне; яд их пьет дух мой; ужасы Божии ополчились против меня. Ревет ли дикий осел на траве, мычит ли бык у месива своего? До чего не хотела коснуться душа моя, то составляет отвратительную пищу мою».

Как многие из людей могли бы повторить эти слова! «То, до чего не хочет коснуться наша душа, — до страдания, уныния, разложения, смерти, — то мы все должны пить».

«Что за сила у меня, чтобы надеяться мне? И какой конец, чтобы длить мне жизнь мою? Твердость ли камней твердость моя? И медь ли плоть моя? Есть ли во мне помощь для меня и есть ли для меня какая опора?» И уже мы видим, как сквозь это отчаяние пробуждается в Иове сомнение в этом отчаянии, в правдивости этого отчаяния, ибо душа Иова «сыновняя» и он хочет найти внутри себя какое-нибудь понимание этих страданий. Иова не удовлетворяет упрощенная схема его друзей, заставляющая душу его молчать перед Богом. Душа Иова не может молчать. Она хочет понять то, чего она не понимает, она должна излиться перед своим Богом. Сыновняя душа Иова может восстать на слепоту свою перед Богом. Это не есть восстание на Господа, но только на слепоту свою перед ним. И как это ценно! Как в особенности это было ценно 4000 лет тому назад, когда кругом было такое окостенение, такой мрак духа. И в этом зияющем черном море духовного мрака и языческой косности жили такие озаренные Богом люди, как Иов.

Но не могут понять душу Иова «домашние» его. И поэтому он говорит им: «Избавьте меня от руки врага, и от руки мучителей выкупите меня. Научите меня и я замолчу; укажите, в чем я погрешил. Как сильны слова правды! Но что доказывают обличения ваши?»

Иов чуткой душой своей понимает, что его друзья говорят отвлеченно, теоретически, как бы затвердивши известное правило. Так в наше время тот, кто знает катехизис, — мертво, теоретически ответит какому-нибудь неверующему на его вопрос, если не будет иметь внутреннего опыта духовной жизни, и, считая себя как бы верующим человеком, не даст в сущности никакого религиозного познания жаждущему истины неверующему человеку. Тяжелый симптом окружающей нас действительности!

«На ветер пускаете слова ваши. Вы нападаете на сироту и роете яму другу вашему. Но прошу вас, взгляните на меня; буду ли я говорить ложь пред лицом вашим? Пересмотрите, есть ли неправда? Пересмотрите, — правда моя. Есть ли на языке моем неправда? Неужели гортань моя не может различить горечи?»

Иов искренне хочет, чтобы друзья не теоретически только доказали ему, в чем он погрешил пред Богом. Иов — подлинно сыновняя душа, он готов каяться, готов упасть перед Богом в прах, но не понимает, в чем он грешен. Ему не ясна еще тайна страданий Праведника, как сыновнее соучастие в страданиях святости Божией от свободных беззаконий человека в условиях этого мира. Иов искренно хочет служить Богу и служил уже Ему. И на этих путях сердечного устремления к правде, его постигла такая ужасная скорбь, великое несчастье, которое друзья его только отягчают и заводят в еще больший тупик сыновнюю душу Иова. Они, в узко моралистических законнических путях своих не понимают путей Божьих на земле. Иов чувствует это и опять взывает к Богу: «Если я согрешил, то что я сделаю Тебе, страж человеков! Зачем ты поставил меня противником Тебе, так что я стал самому себе в тягость? И зачем бы не простить мне греха и не снять с меня беззакония моего, ибо вот я лягу в прахе; завтра поищешь меня и нет меня». Какая сила в этих словах! «И отвечал Виллад Савхейнин и сказал: «Долго ли ты будешь говорить так? Слова уст твоих бурный ветер»!.. Опять друзья не понимают. Они чувствуют в этих словах Иова только недоумение и не чувствуют жажду познать истину Живого Бога. Чувствуют восстание, протест против Бога и ужасаются. Они не сыны, они — наемники, не посвященные в тайны дома Отца; они знают только внешние

отношения с Богом. И опять они начинают говорить Иову, что у Бога все праведно, все идет по закону, и что если он, Иов, страдает, значит, он грешник. И отвечал Иов и сказал: «Правда, знаю, что так, что злодеи в конце концов наказываются, а праведные познают и чувствуют плоды правды в душе своей, в радости своей». Иов не спорит против этого. Но друзья не понимают, что он, в то же время, познает и нечто другое, что им не видно. Отвечал Иов и сказал: «Правда, знаю, что так, но как оправдается человек перед Богом? Если захочет вступить в прения с ним, то не ответит ему ни одно из тысячи. Премудр сердцем и могущ силой; кто восставал против Него и оставался в покое? Он передвигает горы и не узнают их; Он превращает их в гнев Своем; сдвигает землю с места ее, и столбы ее дрожат; скажет солнцу — и не взойдет, и на звезды налагает печать. Он один распространяет небеса и ходит по высотам моря; сотворил Ас, Кесиль и Хим² и тайники юга; делает великое, неисследимое и чудное без числа! Вот Он пройдет предо мною и не увижу Его; пронесется и не замечу Его; возьмет и кто возбранит Ему? Кто скажет Ему: что Ты делаешь? Бог не отвратит гнева Своего; пред Ним падут поборники гордыни. Тем более могу ли я отвечать Ему и приискивать себе слова перед Ним? Хотя бы я прав был, но не буду отвечать, а буду умолять Судью моего. Если бы я воззвал, и он ответил мне, — я не поверил, что голос мой услышал Тот, Кто в вихре разит меня и умножает безвинно мои раны».

Иов познает свое бесконечное ничтожество, и тщетность всех своих слов; тем не менее он считает себя вправе, как Человек, задавать некоторые вопросы, искать и разрешать некоторые недоумения. Иов хорошо понимает, что «если я буду оправдываться, то мои же уста обвинят меня», и что «если я невиновен, то Он признает меня виновным». Конечно, перед Богом, Высочайшей Святостью Божьей, пред которой «и небеса нечисты», он может быть виновным, но, как человек, сознает, что может не понимать своих страданий. И здесь Иов говорит удивительное слово, выражающее одну из тайн его сыновней души перед Богом. Он говорит: «Нет между нами (между Богом и им, человеком) посредника, который положил бы руку свою на обоих нас». За две тысячи лет до Рождества Христова, нищий, прокаженный старик в Аравийской пустыни провидит и предчувствует то, в чем так жизненно нуждается человечество и что должно совершиться. Он провидит, что падший мир алчет посредника, который, как звено, соединил бы небо и землю. Иов провидит Богочеловека. Он мог это провидеть, потому что сам был близок Духу Христову, духу Посредничества между Богом и людьми. Он ведь молился за своих детей, когда понимал, что дети его далеко отстоят от Бога, и что им нужен человек, который протянул бы руку к Богу, а другою рукою взял бы этих несчастных детей; и что только так может совершиться спасение слепого человечества. Но в то же время он не видит человека, который стал бы между миром и Богом, был бы свят, как Бог, и причастился бы страдания земного, как человек. Он не понимает, что этот Человек уже действует в нем самом. В переживании, в алкании последней правды духа Иов впадает в то полу отчаяние, которое можно было бы назвать «протестом», но протестом не в том смысле, в каком протестуют многие люди, без любви к Богу, когда восстают они против Творца со злобой противления, с искрой ненависти. О, это последнее есть иной, страшный симптом! Человек, имеющий его, никогда не познает истины. Но когда, чисто и смиренно ища правду, человек борется с молчанием Божиим (как и Савл боролся против безмолвной для него истины), то такую борьбу, борьбу искания правды, Господь любит, Господь познает в ней сыновнюю душу, близкую Себе, ту, которая хочет открыть Его миру... И в ответ на эти подлинно пророческие вещания Иова об алкании Посредника, в котором бы было объяснено все, его страдания и все вообще в мире, — друзья опять начинают ему говорить свои — человеческие слова. «Подлинно вы только люди, опять отвечает им Иов, и с вами умрет мудрость! И у меня есть сердце, как у вас»... «Знаю, что вы говорите мне, знаю правосудие Божье, но ищет сердце мое большего».

Иов говорит то, что говорят, опять, очень многие в мире: «Праведники страдают, а грешники радуются, веселятся, властвуют, владеют странами, господствуют. Живут весело, хорошо, в богатстве и довольстве». Иову не ясно, как это может быть: при Божьей власти над миром; он ищет разрешения этой загадки, но снова чувствует, знает, ясно видит, что всякое земное человеческое мудрование — дым, прах, пепел.

Опять раздвоение в душе Иова: с одной стороны он задает дерзновенно вопросы Богу с великим душевным воплем, и алчет ответа на них, с другой — чувствует все свое окаянство, всю свою нищету духовную, сознает, что вся его мудрость, все его рассуждения человеческие и вопросы — все это ничтожно. И может быть в этом заключается высшее страдание Иова. Поистине, никакая другая книга человеческая не входит так глубоко в религиозную тайную сущность вопроса жизни и страданий, как книга Иова.

«Я к Вседержителю хотел бы говорить и желал бы состязаться с Богом», — говорит Иов, и, конечно, не в том смысле, чтобы равняться с Богом, но — вопрошать Его, говорить с ним, излить в близкий слух Его всю скорбь свою.

«А вы сплетчики лжи, — обращается Иов к друзьям, все вы бесполезные врачи. О, если бы вы только молчали! Это было бы вменено вам в мудрость».

Это можно было сказать и всем современным человеческим моралистическим учениям, этим полубоготическим, или атеистическим моралистическим категорическим императивам, которыми люди пытаются заменить откровение Духа Бога Живого: «Все вы бесполезные врачи!» Земля ведь не изменится от слов Канта или Гегеля, ни от каких-либо других человеческих слов. Это ветхий путь наемнической морали мертвого «долга», но не новый путь сыновней любви и умирания для воскресения.

Иов чувствует следующую глубокую истину, несмотря на все свое страшное положение, как бы наказания: «Я буду надеяться... Я хочу суда... Я знаю, Что Тот, кто хочет Суда, кто идет на суд — в нем нет тьмы». И раз душа Иова действительно хочет суда Божьего, алчет приблизиться к этой ослепительной правде Божией, значит, и в нем самом есть эта правда. И эту правду он знает. Эту правду сокрыть от себя он уже не может. Эта правда сейчас мучается в нем, не получая ответа от высшей Правды.

«Господи!» взывает Иов, «не сорванный ли листок Ты сокрушаешь и не сухую ли соломинку преследуешь?»

Как посланник всего ветхозаветного человечества взывает Иов, как бы говоря: «Господи, не скрывайся, откройся силою Твоею, мудростью Твоею, открой истину Твою в мире!» И такое сыновнее человеческое воззвание должно было вырваться из земли, потому что только оно способно было пройти небеса и достичь престола Божьего и, в ответ себе, низвести на землю Величайшую Благодать Усыновления. Здесь голос всей земли, трепетно приготовляющейся к пришествию Богочеловека!

Книга Иова читается в храме во время Страстной Седмицы, когда в сознании верующих проходят страдания Спасителя, и Иов, по мысли Церкви, является прообразом Спасителя, безвинно страдающего праведника, Сына Божия, Бога.

В шестнадцатой главе книги Иова мы читаем пророческие слова: «Разинули на меня пасть свою; ругаясь бьют меня по щекам, все стоворились против меня. Предал меня Бог беззаконнику и в руки нечестивых бросил меня».

Никто Иова не бил по щекам, никто его не бросал в пасть к беззаконникам, однако, он в таком пророческом светлом исступлении чувствует на себе уже дух Богочеловека и говорит те слова, которые потом Апостолы целиком применили к страданиям Богочеловека и которые исторически исполнились в точности и считаются одним из библейских пророчеств о Христе.

«Лицо мое побагровело от плача и на веждах моих тень смерти. При всем том, что нет хищения в руках моих, и молитва моя чиста. Земля! Не закрой моей крови и да не будет места воплю моему. И ныне, вот на небесах Свидетель мой и Заступник мой в вышних! Многоречивые друзья мои! К Богу слезит око мое. О, если бы человек мог иметь состязание с Богом, как сын человеческий с ближним своим»!

Опять глубочайшее постижение. Величайшее алкание духовное, стремящее человека к живому соединению с Богом. Этот старик, полумертвый Иов, за 2000 лет до Рождества Христова свидетельствует, что Свидетель и Заступник его в вышних — на небе, и что сын человеческий может обращаться к Богу так, как он, Иов, обращается к нему.

«Дыхание мое ослабело; дни мои угасают; гробы передо мною. Если бы не насмешки их, то и среди споров их око мое пребывало бы спокойно. Заступись, поручись Сам за меня пред Собою! Иначе, кто поручится за меня?»

Опять изумительное постижение тайны богочеловечества. Ты сам должен за меня заступиться, некому стать посредником между мною и Тобою, только Ты Сам можешь им стать... И опять отвечают друзья Иова, и опять Иов говорит им:

«Доколе будете мучить душу мою и терзать меня речами? Вот уже раз десять вы срамили меня и не стыдитесь теснить меня. Если я и действительно погрешил, то погрешность моя при мне остается. Если же вы хотите повеличаться надо мною и упрекнуть меня позором моим, то знайте, что Бог ниспроверг меня и обложил меня Своею сетью». Бог это сделал... Вы, люди, вы не поймете моего алкания и не входите в эту тайну жизни моей; не вводите в эту великую тайну души своих человеческих слов. Господь, Господь это сделал! Дал и взял.

«Помилуйте меня, помилуйте меня Вы, друзья мои; ибо рука Божия коснулась меня... О, если бы записаны были слова мои! Если бы начертаны были они в книге, резцом железным с оловом, — на вечные времена, на камне вырезаны были! А я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию. И я во плоти моей узрю Бога. Я узрю Его сам; мои глаза, не глаза другого, увидят его».

Какая удивительная надежда жила в нем, когда ничто, казалось бы, не подтверждало этой надежды. Истинно пророческие чаяния! Иов доходит уже не только до сознания «свидетеля», не только «посредника», но и Искупителя, сознавая, что всякое его чувство не чисто, что все его слова ничтожны, что действительно он в какой-то мере ответствен за свое ничтожество, в силу самого ничтожества своего, что он нуждается в Искупителе.

«В последний день Он восставит из праха распадающуюся кожу мою сию, и я во плоти моей узрю Бога»... — и он пророчествует о будущем воскресении из мертвых.

И далее, опять и опять отвечают друзья, и опять говорит Иов: «Выслушайте внимательно речь мою, и это будет мне утешением от вас: Потерпите меня, и я буду говорить; а после того, как поговорю, насмехайтесь. Разве к человеку речь моя? Как же мне не малодушествовать?»

Ясно Иов объясняет свое малодушие, некоторое свое отчаяние. Не пред человеком изливает он свою душу, но изливает ее перед Богом, и тайна души Иова и страданий его заключается в том, что все слова, которые говорит он друзьям, говорит не им, но как некую чудную молитву Богу, алчет услышать ответ и... не слышит его, ни в безмолвном небе, ни в речах друзей своих. Он действительно чувствует, что малодушествоует в сознании непонимания, «почему беззаконные живут, достигают старости сильными, крепкими. Дома их безопасны от страха и нет жезла Божия на них». «О, если бы я знал, где найти Его и мог бы подойти к престолу Его! Я изложил бы пред Ним дело мое»

(то есть дело и нашей человеческой жизни; дело Иова — наше человеческое дело). «И уста мои наполнил бы оправданиями; узнал бы слова, какими Он ответит мне и понял бы, что он скажет мне». «Неужели он в полном могуществе стал бы состязаться со мною? О, нет! Пусть Он только обратил бы внимание на меня!»

Иов ни о чем не молит, он молит только, чтобы Господь обратил Свое внимание на него, чтобы он услышал духом Божию близость, почувствовал так эту близость, как почувствовали ее апостолы в день Пятидесятницы, когда исполнились высшим познанием Бога, и вид их был как бы напившихся вина. От радости и духовного счастья они были пьяны. Этого приятия духа хочет Иов. Не удовлетворяется он внешними понятиями «правды» и «закона», смутно предчувствуя, что его тайна страданий может быть разрешена только в его личном соприкосновении с Богом-Отцом, что в познании Господа только как Судьи, только как Царя, только как Творца, мы не можем познать ни тайну наших страданий, ни глубину нашей жизни. И только, когда поймем, что мы дети Отца Небесного, почувствуем Его, услышим Его голос, только тогда — предчувствует Иов — сможем найти ответ на все наши земные вопрошания. Праведная чистая душа Иова жаждет придти на суд.

«Пусть взвесят меня на весах правды, и Бог узнает мою (Иов понимает направление воли своей) непорочность. Если стопы мои уклонились от пути, и сердце мое следовало за глазами моими, и если что-либо нечистое пристало к рукам моим, то пусть я сею, а другой ест, и пусть отрасли мои искоренены будут. Если сердце мое прельщалось женщиной и я строил ковы у дверей моего ближнего, — пусть моя жена мелет на другого, и пусть другие издеваются над нею; потому что это — преступление, это беззаконие, подлежащее суду; это — огонь поедающий до истребления»...

И, смертельно скорбит Иов оттого, что он, предвкушавший эту тайну сыновства Божьего и в простоте хотевший служить Богу, наказывается сейчас за что-то, чего он не может понять. И единственно, что хочет он узнать до конца, — за что?!

«Прельстился ли я в тайне сердца моего и целовали ли уста мои руку мою»? В каком выпуклом образе Иов открывает одно из самых страшных человеческих беззаконий: гордыню и самолюбие! Вот, что больше всего отводит человека от познания Божия. Человек может быть умом своим предан Богу, морально непорочен, может делать много добра, но если он «целует руку свою», то есть самоуслаждается своей самостью, «любит себя», то он уже не прав, он беззаконен. Иов говорит, что он и в этом смысле не видит греха своего.

После этого все три друга замолчали и начал говорить четвертый, Елиуй, самый младший. Он начал с того, что вот он слушал и друзей, и Иова, и не находит, что они говорили правильно и вскрыли сущность вопроса. «...Итак, слушай, Иов, речи мои и внимай всем словам моим. Вот я открываю уста мои, язык мой говорит в гортани моей. Слова мои от искренности моего сердца и уста мои произнесут знание чистое... Если можешь, отвечай мне и стань предо мною. Вот я, по желанию твоему, вместо Бога»... Елиуй хочет быть «посредником», хочет положить одну руку свою на Иова, а другую свою руку положить на небо. Но все несчастье этого четвертого друга состояло в том, что он не сознавал того, что на Иова положить руку он мог, но что положить руку на небо ему не было дано, и поэтому все слова его были — опять — «человеческие» слова. И хотя он и сказал нечто большее, чем те трое старших друзей, но он ничего не открыл. Иов духом понял, что и этот четвертый друг подобен тем трем, значит, и он не может быть посредником, значит, никакого человеческого посредника быть не может. Конечно, все те религиозные мировые учителя, которые появлялись в человеческой истории, как Будда, Магомет, и другие, клали свою руку только на человека. Они были, может быть, исполнены добрых намерений, но они были людьми и не могли поэтому

подлинно соединить человека с Богом. Только истинный, совершенный Богочеловек, Альфа и Омега мироздания, Слово Божие, Логос, образ Ипостаси Отчей, Воплощенное Сияние Божьего Лица, Господь Иисус Христос, Единый мог раз навсегда и навеки соединить Божество с человечеством. И в Нем Едином теперь совершается всякое соединение Бога с человеком, с теми сынами человеческими, которые, подобно Иову, жаждут сыновства Божьего, узнают и слышат голос Небесного Отца.

Что же нового сказал этот четвертый друг? Он попытался ответить Иову, что все же Бог говорит с людьми, что хотя Господь непостижим, далек, недомыслим, но все же он отвечает людям.

«Бог говорит однажды, и если того не заметят — в другой раз во сне, в ночном видении, когда сон находит на людей, во время дремоты, на ложе. Тогда он открывает у человека ухо и запечатлевает Свое наставление, чтобы отвести душу его от пропасти и жизнь его от поражения мечем. Или он вразумляется болезнью на ложе своем и жестокою болью во всех костях своих». В этих словах Елиуя — духовная истина. Господь отвечает человеку не только прямо и непосредственно в чистом духе, но также незаметно, сказать по-современному — «в подсознании». Чтобы отошел от какого-либо предприятия и удалась от него гордость, «он вразумляется болезнью на ложе и жестокою болью во всех костях своих». В словах духа Господь открывается человеку в мудрости Своей, в голосе Священного Писания и в голосе совести человеческой являет Свой голос, но также и в напастях и в болезнях открывается Бог. Правильно говорит этот четвертый друг; действительно болезнь и земная смерть величайший стимул метафизического смирения для человека, — но слова эти звучат для Иова «внешним» доказательством, — и от них не замечает Иов веяния духа в своей душе. Говорит также вполне правильно Елиуй, что у человека есть ангел-наставник, чтобы показать человеку прямой путь его.

«Неправда, — говорит с жаром Елиуй, — что Бог слышит и Вседержитель не взирает,.. хотя ты сказал, что не видишь Его, но Суд пред Ним и жди Его»... Как ни были справедливы слова этого четвертого друга, они опять выражали для Иова лишь одну теоретическую истину, и эта истина была слишком недостаточна, чтобы напоить страждущую душу Иова. Не так ли и ныне страдает человек перед книгою Божественной мудрости, лежащей перед ним, сознавая эту правду, но не убеждаясь ею в последних глубинах своего человеческого духа? Ибо истинно, что без пришествия Утешителя — Духа, без таинственного своего рождения, воскресения в духе, душа человеческая не сознает в мире последней правды.

И вот чаша страданий Иова-человека исполняется до краев. Должны умолкнуть сейчас все человеческие слова. Иов, как сын Божий, сделался достойным откровения. И Господь Сам отвечает Иову «из бури». Господь у горы Хорива открылся пророку Илье в тонком дыхании ветра, в углубленном молитвенном созерцании пророка. Здесь же Иову Господь открывается «в буре», во внешних, бурных обстоятельствах горестей жизни человеческой... И в этом Господь может открыться.

«Кто сей, омрачающий Провидение (удивительное выражение) словами без смысла? Препояшь ныне чресла свои как муж» — обращается Господь к Иову, — т.е. соберись, будь духовно мужествен. «Я буду спрашивать тебя и ты объясняй Мне: где ты был, когда Я полагал основание земли? Скажи, если знаешь!»

Вот первая мысль, с которою обращается Господь к Иову. Со всею ясностью Господь открывает Иову его абсолютное ничтожество. «Кто положил меру ей (земле), если знаешь? Или кто протягивал по ней вервь? На чем утверждены основания ее, и кто положил краеугольный камень ее при общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божии восклицали от радости?» Здесь

Откровение Божие свидетельствует и о том, что самое творение мира совершалось при свидетельствовании высшего мира, мира, сотворенного еще до земли, при радостном славословии этого высшего ангельского мира.

Действительно, всякий человек, который задает себе метафизические вопросы, который углубляется в религиозную философию, ищет разумного оправдания своей жизни, должен учесть прежде всего одно совершенно непреложное обстоятельство: полную немощь, полную слабость всех своих человеческих познавательных способностей и сил. Возьмем простой пример: мы, люди, знаем, сколько тысяч километров вокруг земли и в поперечнике ее. Мы измерили нашу землю точно, но попробуем в своем уме представить ее величину, как мы представляем величину яблока. Ни у кого из нас такой опыт не выйдет. Мы можем представить в уме размеры глобуса, но представить в уме же подлинную величину земли (которую абстрактно, математически, в числах, мы хорошо знаем), — мы не можем, это не вмещается в наш разум... Если мы эту внешнюю, физическую землю, этот маленький шарик, эту пылинку в пространстве вещественного мироздания не можем вместить в свою земную мысль то, конечно, мы совершенно бессильны познать нашим темным разумом, нашим логическим познанием чистую реальность Духа. Это совершенно невозможно — вне откровения Духа.

Далее, продолжает Господь: «Кто затворил море воротами, когда оно исторглось, вышло как бы из чрева, когда я облака сделал одеждою его и мглу пеленами его, и утвердил ему Мое определение и поставил запоры и ворота, и сказал: Доселе дойдешь и не перейдешь, и здесь предел надменным волнам твоим».

Здесь Откровение Божие говорит, что все эти «пределы», которые мы видим, как, например, предел воды в стакане, предел этой комнаты в этих стенах, предел нашего движения в этих телах, предел морю в ограждении скалами и песками, — все эти бесчисленные пределы, которые мы видим вокруг себя, все эти символы, все это обучение нашего духа тому, что душа наша должна знать, душа наша должна осознать свои духовные пределы. И совершенно неестественно, когда человек, принимающий всю закономерность этих пределов в своей физической жизни, совершенно не понимает этой закономерности, не имеет этого смирения метафизического, в своей духовной жизни. А только при этом условии великого метафизического смирения, человек может постичь все тайны, которые открывает Отец Небесный Своему покорному сыну. Здесь откровение. Это есть основа познания всех тайн, впереди которых, может быть, идет тайна страдания.

Господь показывает Иову величие и могущество мироздания и полное ничтожество его, как человека, — вне Бога. Если все, что происходит в мире, что попускается Промыслом, должно служить к метафизическому смирению человека (добывание себе хлеба из земли, зависимость от всего окружающего, еженощное сонное изнеможение, укрепление себя прахом — пищей, добытой из земли, младенчество, старость, болезни и самая смерть), то страдание есть следствие этого Промысла. Само есть Промысл.

И здесь Иов отвечает Господу и говорит: «Вот я ничтожен: что я буду отвечать Тебе? Руку мою полагаю на уста мои. Однажды я говорил, — теперь отвечать не буду, даже дважды, но более не буду». И Господь далее открывает Иову в образах тайну, которую Иов совсем не учел: тайну существования в мироздании злой воли падших духов, действующих в «сынах противления»; и воли высшего из падших духов, — сатаны, в образе «Левиафана», духа, свободно падшего и свободно коснеющего в своей тьме. Эта тьма не существует, как что-то противоположное свету, но заключается лишь в воле богопротивления Богу, в нелюбви свободного творения. Ибо свободное творение не может быть вынуждено к любви. Зла нет, как чего-то противоположного Богу. Зло заключено в свободной воле, как воплощенного, так и невоплощенного духа.

Потому зло бывает для людей, кажется им, в их земном масштабе, силой, не только противостоящей Добру, но и побеждающей Добро. Но это только так кажется тем, кто не воспарил к небу. Облака могут скрыть солнце, но не веру в то, что оно бесконечно выше всех облаков.

Удивительно, как Иов сразу теряется в словах своих, как сразу исчезают все выражения его. Как только душа Иова услышала голос Бога-Отца, и поняла, что это — Отец, она сразу до конца смирилась, и в смирении своем начала познавать подлинную тайну страданий, тайну, которую и каждый из нас может узнать, если станет на этот путь смирения Иова, смирения, которое дает страданию переплавлять дух человеческий, загрязненный в первоизданном падении человечества.

Иов познает полное ничтожество зла — Левиафана перед Богом. И говорит отцу небесному: «Я слышал о Тебе слухом уха: теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле».

Ничего грешного ведь не сказал Иов. Мы слышали его речь и удивлялись чистоте его слов, истинного его стремления к Богу. Но как только Иов услышал подлинный голос Отца Небесного, он чувствует потребность раскаяться даже во всех своих чистых и хороших речах! Вот это удивительное познание, которое получил Иов, услышав голос Отца Небесного! Иов понял, как говорит древний пророк, что вся наша праведность перед Богом, «как запачканная одежда». Нет праведности на земле. Все высокие слова, какие может произнести человеческий язык — прах перед Богом! Человек, который достиг первой заповеди Евангелия — блаженства нищеты духовной, поймет этот закон, поймет, что человек должен освободиться от всех «своих» (мелких и метафизически нечистых!) понятий «правды», «правосудия», «справедливости», освободиться даже от понятия своей любви, этой расколовшейся, неверной любви; должен освободиться от всех человечески автономных постижений, который сейчас так слабы и ничтожны. Словом, человек должен подлинно умереть в Боге; тогда только он будет воскресать в новую жизнь. Жизнь эта будет вся воскресать в новых ценностях, в законах новой логики. Вот это понял Иов, но только тогда, когда сам услышал голос Божий. Ведь жизнь духа есть личный опыт человека. Поэтому Господь и сказал Елифазу, старшему другу Иова: Горит гнев мой на тебя и на двух друзей твоих за то, что вы говорили о Мне не так верно, как раб мой Иов». Да, те, которые и защищали Бога и оправдывали все Божии пути, укоряя Иова, возражая против его слов, они все же не принимали подлинную жизнь мира и при всей правде своего слепого подчинения Богу, оказались менее правы, чем этот борющийся со своей слепотой пред Богом Иов, ищущий последнего Божьего Суда.

Господь не только указал друзьям Иова на их ошибки, но и сказал нечто большее. Господь сказал им: Возьмите себе семь тельцов и семь овнов и пойдите к рабу Моему Иову и принесите за себя в жертву, и раб Мой Иов помолится за вас, ибо только лицо его Я приму, дабы не отвергнуть вас за то, что вы говорили о Мне не так верно, как раб Мой Иов!» И пошли друзья и принесли жертву и Иов помолился за них.

Эпилог мы знаем. Возвращено было Иову его прежнее благосостояние и здоровье в двойном изобилии. Иов имел других детей (не потеряв и первых, ибо все живо у Бога) и не было прекраснее детей его.

Но, конечно, не в этом эпилоге смысл прекрасной книги. Этот конец есть только символ духовного апофеоза правды. Не в физическом здоровье и не в тленном богатстве быстротекущей жизни смысл бытия человеческого на земле — венец милости к человеку в вечности. Венец в том, что Господь усыновляет человека и причисляет его к Своему крестному пути правды в ветхом мире, и страдая за рабов своих, страдает в сынах, распространяет пределы Своего Страждущего Богочеловеческого Тела на тела всех сынов своих

и страдания Богочеловеческой Души Своей на их души. Так рождается новый мир. Это великая тайна строительства Церкви, Нового Мира на крови Агнца и агнцев.

Но не для всех одинаково раскрывается в мире эта тайна. Ибо она не может быть ни понята, ни принята во всем ее благословении, вне чистых путей усыновления Богу, вне великой к Богу любви. Лишь эта любовь (пусть тайная, пусть молчаливая) раскроет до конца и оправдает все стремления.

То, к чему мы идем, слишком велико. То, что мы здесь оставляем, слишком ничтожно. В этом мире ничтожны все наши добродетели, ничтожно все наше понимание истины.

И поэтому нет на земле высшей красоты, чем страдание правды, нет большего сияния, чем сияние безвинного страдания.

Примечания.

¹ Библия — как Ветхий, так и Новый Завет — делится на четыре части. Все книги Священного Писания составляют содержание как бы четырех планов-аспектов. Первый план — книги законоположительные: Пятикнижие Моисея и четыре Евангелия. Это — основа. Далее второй план: книги исторические, Царств и другие; в Новом Завете — Деяния Апостольские. Третий план — учительные книги: Книга Иова, Псалтирь, Притчи Соломона, Екклесиаст и Песнь Песней; в Новом Завете этим книгам соответствуют 14 посланий ап. Павла и послания других апостолов. Наконец, четвертый план Библии — книги пророческие: 4 великих и 12 малых пророков в Ветхом Завете; в Новом Завете — Апокалипсис.

² Созвездия, соответствующие нынешним названиям: Медведицы, Ориона и Плеяд.

Данная публикация охраняется Законом РФ «Об авторских и смежных правах»
(в ред. Федерального закона от 19.07.95 № 110-ФЗ).

При использовании и цитировании текста ссылка на BIBLE-CENTER.RU обязательна.

При использовании и цитировании в интернете гиперссылка на www.bible-center.ru обязательна.